

ОН ЯВЛЯЛ собой образец профессионального философа-казаха. Его отличала постоянная ориентация на норму, которая присуща личностям организованным. Он создал свой собственный универсум, который открывает перед ним возможность понимать и истолковывать, связывать и организовывать, упорядочивать, синтезировать свой человеческий опыт, а также обрести свою индивидуальность через приобщение к человеческому космосу. Получив высшее историческое образование, пройдя партийно-комсомольскую закалку, проучившись в элитной Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), Нурымбек Джандильдин в 1949 году закончил аспирантуру Академии общественных наук ЦК КПСС и первым среди философов-казачей блестяще защитил кандидатскую диссертацию».

Начиная с 1951 года, будучи заведующим отделом науки и культуры при ЦК КПК, он большое внимание уделял подготовке философских кадров. Часто посещал факультет, практические занятия студентов. Именно с его участием открылся сектор философии и права Академии наук. Джандильдину пришлось выполнять нелегкую задачу по восстановлению доброго имени и переходу на прежние места работы Л. Бекмаханова, К. Сатпаева, Т. Тажибаева и других, ранее осужденных и обвиненных в буржуазном национализме. Огромной заслугой Н. Джандильдина стали первые попытки по возвращению народу имен и трудов Аль-Фараби, поэта-философа Шакарима, поэта Магжана Жумабаева и др.

Джандильдин сам оказался жертвой партийно-советской бюрократии, был необоснованно обвинен в пособничестве «нежелательным обществу национальным кадрам» и отстранен от должности секретаря ЦК Компартии Казахстана.

Основная причина его освобождения, пишет М. Бурабаев, кроется, прежде всего, в том, что он был высокообразованным, популярным, а главное, он знал, какими методами надо решать национальный вопрос.

В небольшой брошюре «Научное наследие Н. Джандильдина и современность» (к 80-летию со дня рождения), которая была издана при спонсорской поддержке научно-издательского дома «Ақыл кітабы» в 1998 году, отдана дань памяти и глубокого уважения выдающемуся ученому и государственному деятелю, члену-корреспонденту НАН РК, доктору философских наук профессору Нурымбеку Джандильдину.

В СТАТЬЕ «Н. Джандильдин - человек, ученый» ее авторы - доктор социологических наук профессор К. Габдуллин, кандидат исторических наук доцент Н. Пивень отмечают, что годы становления личности Н. Джандильдина пришлись на сложное, трудное и противоречивое время.

Сам Джандильдин писал об этих годах: «Вспоминаю свое детство, себя, начиная где-то с 5 лет: на территории нынешнего совхоза имени Абая приутилось маленькое озерцо Жанасор. В 6-7 километрах от озера возвышалась гора Аккогам. Внешние, обращенные к степи склоны были голыми, без всякой растительности, другая же сторона была сплошь из зарослей черной смородины.

У подножия этой горы ютились четыре дома. Это и был аул моего деда Абиляна, у которого было пятеро сыновей и дочка. Наш дом стоял на небольшом возвышении - маленький, приземистый, с плоской крышей и крошечными, подслеповатыми окнами. Сарай были сложены из камня - в одном держали скот, в другом хранили сено. Зимой снег забивался внутрь, на стенах лежал толстым слоем иней, да и ветер свободно гулял по всем углам. Примерно в 70 метрах от дома протекал ручей с прозрачной, удивительно вкусной водой».

Самой бедной и самой большой семьей в ауле была семья Жандильды. Младший брат отца - Аубакир, которого все звали Дорбак, а дети - Доке. У него было два сына - Хамзе, Султанбек и четыре дочери. Доке был порасторопнее и предприимчивее своих братьев и успел обучить детей гра-

моте. Среди них выделялся Хамзе, который хорошо читал и писал по-арабски. Он работал секретарем сельсовета, позднее его перевели на руководящую должность в район. Дети выросли, обзавелись семьями, разлетелись в разные концы. Доке умер в годы войны, Хамзе скончался в возрасте 60 лет.

Из дневниковых записей Нурымбека: «Мауия - так звали еще одного младшего брата отца. Почему-то в семье его недолюбливали, может быть, из-за сварливой и жадной жены Зоре, у которой нельзя было зимой снегу выпросить, но благодаря прижимистой жене Мауия жил в достатке...»

В голодный 32-й год из их семьи никого не осталось. Жандильда, Аубакир и Мауия были родными братьями. Когда их мать скончалась, Жандильда женился. От второй жены родились Сеит и Касым и сестра Рахия. Мы называли маму апа и очень ее любили за добрый, по-

Люди науки

СЛОВО

О ДЖАНДИЛЬДИНЕ

В книге известного философа Мукаша Бурабаева «Учитель философов Казахстана», изданной к 100-летию философа Михаила Никифоровича Чечина, есть много теплых, проникновенных слов о Нурымбеке Джандильдине, его роли в подготовке первых профессиональных философов.

кладистый характер, за ласковое, нежное сердце. Она любила нас ничуть не меньше своих детей и никогда не давала нас в обиду. Но ей не суждено была долгая жизнь, через несколько лет она скончалась от оспы.

Из всех родственников я хорошо знаю Абилямжину. Помню, как он женился на Уакиле. У них родилась дочь Макен. Абилямжин хорошо говорил по-русски, любое дело в его руках спорилось. Он прекрасно клал печи, строил дома. Помню, что он очень меня любил и баловал в детстве. Глядя на меня, сидящего подолгу, скрестив ноги, и уставившегося в одну точку, он смеясь говорил: «Помяните мое слово, из этого малыша выйдет мулла». До сих пор эти слова Абилямжина в моей памяти».

И так было, наверное, на роду написано, то именно Абилямжин станет для Нурымбека добрым ангелом-хранителем, откроет ему путь в храм науки.

НО ВЕРНЕМСЯ к дневниковым воспоминаниям Нурымбека Джандильдина. «Мать звали Кулшин. В 13 лет вышла замуж за моего 45-летнего отца. В 1909 году родила первенца - Айыпбека, который потом батрачил у бая. Родившегося позже Орымбека ждала та же участь. Я у матери четвертый. После меня - Асылбек и Шалабек. В 32-м году из района приехала машина (матери дома не было, она ушла собирать коренья). Оставшихся без присмотра мальчишек забрали в детдом. Позже, когда я жил в районе, я нашел их там. Через год они скончались. Самый младший - Ныгмет - 30-го года рождения. Он журналист. Орымбек погиб в 42 году на войне.

Ходить и говорить я начал рано, легко решал математические задачи, с ходу запоминал сказки и дастаны и потом пересказывал их всем...

В 29-м году открылась школа по изучению латинского алфавита. В эту школу меня определил неутомимый Абилямжин, веривший, что из меня получится мулла. Учитель вывел в моей тетради букву «А», потом карандашом велел обвести эту букву несколько раз, и только после этого мы стали писать самостоятельно.

В 30-м году поступил во второй класс районной школы. Хамзе, мой дядя, работал начальником районной милиции. Жил у него, пока не приехал мой дядя Касым, и я перебрался к нему. Но через 2-3 месяца Касыма перевели директором сельпо в аул, и он уехал. Я стал жить в интернате. Жизнь в интернате была тяжелой. Было нас 25. За 10-12 километров ездили за дровами...

Школу я закончил хорошо, получил аттестат с отличием.

После окончания в Алма-Ате КазПИ имени Абая с красным дипломом я поехал по направлению в Караганду. В 1942 году работал секретарем обкома комсомола по пропаганде и агитации.

Как-то приехал в Алма-Ату на пленум Цекмола. Только переступил порог гостиничного номера в Доме делегатов, пришел дежурный: «Товарищ Джандильдин, вас приглашают в Центральный Комитет партии». До этого я слышал о том, что идет набор слушателей в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Что скрывать, мечтал учиться в Москве, там готовили партийных идеологов...

Учеба была очень напряженной. Семинары были каждый день, приходилось долго и тщательно готовиться. Тем более что я был единственным казахом на нашем семинаре, который объединял тех, кто имел гуманитарное образование.

На торжественном собрании по случаю окончания учебы были зачитаны фамилии лучших

слушателей. Моя фамилия значилась первой в этом списке».

МЫ ПРИВОДИМ воспоминания, дневниковые записи Джандильдина для того, чтобы показать, что он был сыном своего времени, частью идеологической системы, которая пронизывала все сферы жизни государства. И в то же время он был честным ученым, главным девизом которого в исследовательской работе была объективность.

Выступая на конференции в Ленинграде перед профессурой, воспитанной и воспитывающей в условиях развитого социализма, не видевшей (или не желающей видеть) реальные проблемы общества, ученый из Алма-Аты впервые повел речь о необходимости решения таких актуальных проблем, как вопросы национального самосознания, национальной культуры и справедливости, об игнорировании законных прав наций и народностей, прямо и откры-

то высказывал мысли об упущениях в области межнациональных отношений. Заключительные слова Джандильдина о том, что культура межнационального общения является составной частью гуманитарной культуры высокоразвитой личности демократического общества и что интеллигентность - это не столько проявление ума человека, его эрудиции и образованности, сколько состояние его души, - потонули в шквале аплодисментов. Зал стоял громкими рукоплесканиями выражал свое восхищение казахстанским ученым.

Большой период научной деятельности Н. Джандильдина посвящен исследованию такой сложной проблемы, как межнациональные отношения. Еще в те годы, когда кремлевские правители и официальная пропаганда провозгласили торжество ленинской политики в национальном вопросе, ученый Джандильдин с тревогой писал о существовании серьезных проблем в межнациональных отношениях. Основывая свои доводы на теоретических знаниях и практическом опыте, он приходит к мысли о незрелости конфликта именно в данной сфере.

Жизненный путь Джандильдина не всегда был ровным, как его родная «Сары-Арка», - писал доктор философии профессор Сагындык Кенжебаев. «Несмотря на внешнее благополучие с анкетными данными, не отставали от него конфликтные ситуации ни на работе, ни вне нее, не покидала атмосфера натянутости и перегруженности». В его дневниковых записях есть немало горьких строк в адрес тех, кто сочинял клеветнические измышления, кто старался любой, пусть даже малозначительный, факт жизни извратить, показать в неприглядном свете. Не случайно в его записях появляется отрывок из Бомарше. Персонаж комедии «Севильский цирюльник» Базиль говорит: «Я видел честнейших людей, которых клевета почти уничтожила. Поверьте, что нет такой пошлой сплетни, нет такой пакости, нет такой нелепой выдумки, на которую в большом городе не набросились бы бездельники, если только за это приняться с умом, а ведь у нас здесь по этой части такие есть ловкачи! Сперва чуть слышный шум... шелепящий, сеющий ядовитые семена. Чей-нибудь рот подхватит семя... и ловким образом sunset в ухо. Зло сделано, оно прорастает, ползет вверх, движется - и пошла гулять по свету чертовщина!»

Вот так защищался Нурымбек Джандильдин от своих врагов - внешне ничем не выдавая своей боли, считая ниже своего достоинства опускаться до перепалки с подобного рода сплетниками и интриганам.

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем: - это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Эти слова Канта высечены на надгробном камне Нурымбека Джандильдина его женой Райхан Жумабаевой. Райхан Калижановна живет памятью о муже. Она счастливая женщина, ибо ей суждено было полюбить Нурымбека Джандильдина, для которого она была идеалом. Он любил свою жену, писал ей отовсюду письма. Каждый день и час, проведенные без нее, для него были мукой. Письма к любимой - это огромной силы всплеск душевных сил и возвышенных чувств.

В 1987 ГОДУ, за три года до своей кончины, он записал в своем дневнике: «Для человека моего возраста, и при моих обстоятельствах, существует два пути, два способа прожить оставшуюся жизнь. Один - это путь спо-

койной старости, когда ничего из окружающего тебя не должно интересовать. Благо, всю жизнь - и в молодости, и в зрелые годы - не знал ты покоя, метался в поисках правды, искал путь справедливый и благой, трудился не покладая рук. Познал и нужду и лишения, и беды не обошли тебя стороной, и плоды своих трудов привелось тебе вкушать, и тихую гавань ты отыскал, где мог бы прожить остаток жизни в уюте и благодати. Никто не может упрекнуть тебя в малодушии или желании отдалиться от боевых кипучих наших буден. Тем более что большинство так и поступает.

Но я не приемлю его, этот первый путь и выбираю второй.

Несмотря на усталость, на подкрадывающуюся старость, на недомогание и множество болезней, работать и работать, чтоб днем и ночью билась беспокойная моя мысль, чтобы не давить себе поблажек и написать книгу о себе, о своем времени. Идущее за нами поколение должно знать, какими мы были, чтобы понять себя, свою жизнь и свое предназначение.

Почему я выбираю второй путь? Этому есть, на мой взгляд, две причины. Первая. Не могу отставать от других. Осознание своей ненужности - это самое страшное для меня, ибо я привык быть в авангарде, на передовой, там, где труднее всего. Иначе не мыслю себя живым человеком. Вторая. Я ленив. То, что можно сделать сегодня, могу отложить на завтра. Большую часть своей жизни провел в опале, на преодоление этого объективного обстоятельства ушли лучшие годы моей жизни, лучшие силы.

Многие идеи, мысли остались нереализованными, невостребованными. Написал три книги, но ни одна из них не удовлетворила меня полностью.

Хочу написать еще одну книгу. Это не мемуары, не монография. В этой книге должен быть синтез моего жизненного опыта и знаний, накопленных за годы работы. В эти дни я размышляю о том, как найти соответствующую форму. Собрать все свои мысли, определить для них единое русло, найти связь, единство, противоречия, наличие которых закономерно.

Разгадка тайн вселенной - в Человеке. Не повторяй то, что у всех на устах, а скажи свое слово, вырази свой взгляд на то, что было. Язык должен быть простой, доходчивый, нужно писать так, чтобы книга заинтересовала, была близка людям и притягивала легкостью формы и глубиной содержания. Но вот выйдет ли у меня? Смогу ли я воплотить на деле то, о чем мечтаю? Вполне может случиться так, что книга получится средненькой, не оправдает надежд людей. Попытка - не пытка. Не боги же, в конце концов, горшки обжигают. Глаза боятся, руки делают.

Глубоко убежден, что стоит нам приобщиться к мировому разуму, как наш народ ощутит в себе прилив неодолимой энергии, не меньшей, чем у любой другой нации. И это не просто пустые мечты о будущем. Эта энергия уже вспыхнула в нашей среде и стремительно движется вперед, как огонь в горящем бифордовом шнуре. Эта книга должна рассказать о прошлом, но основана она должна быть не только на чувстве любви к старине. У меня нет ни малейшего намерения пополнить еще одним произведением тома мемуарной литературы. Я не чувствую в себе ни капли старческой склонности к тому, чтобы, скорбя о прошлой жизни, вновь переживать былые радости и огорчения в своих воспоминаниях.

Мой идеал не в том, чтобы прожить возможно большее число дней, а в том, чтобы идти вперед, вперед до самого последнего момента, до самого последнего горения жизни».

К сожалению, эта книга так и осталась творческим замыслом ученого. Смерть не дала осуществиться этой мечте, но будем благодарны и за то, что он успел сделать. А успел он очень многое. Порукую тому - сердечная и глубокая память о нем, которая должна быть, без сомнения, увековечена - выпуском книги о нем, установлением мемориальной доски на доме, где он прожил 52 года, проведением научно-теоретических конференций, педагогических чтений, изданием трудов одного из первых профессиональных философов, вышедших из среды казахского народа.

Нурымбека Джандильдина можно назвать могучей личностью, а его жизнь - вызовом человечеству и самоуспокоенности. Главное в его действиях, поступках, делах, в самом образе жизни, в том, что составляло пафос его души, было любыми средствами помочь окружающему миру сделаться лучше.

Он знал две абсолютные истины, два вектора: веру в нацию и категорический императив человеческого достоинства и справедливости. Соединение этих двух истин, двух линий возвышало его над другими, но возвышая, приближало и сближало, рождая в каждом, кто встречался с ним, короткую мысль: это - Человек!

Р. ИМАНЖУСУПОВА,
кандидат педагогических наук
(специально для «Индустриальной
Караганды»)